

ТЕОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ

УДК 821.512.133

DOI <https://doi.org/10.32838/2710-4656/2021.6-3/19>

Алиева Л. А.

Сумгаитский Государственный Университет

ПОЭЗИЯ И МИФОЛОГИЯ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ИХ ФУНКЦИИ В ПОЭЗИИ

У статті стверджується, що людство віддане своїм витокам у найглибших підвалинах пам'яті і прагне зберегти сакральність цієї основи. Міф не тільки живе у пам'яті людини, він є ще і міцно вбудованою у підсвідомість потенційною силою, здатною у будь-який момент перетворитися на уяву, що бере участь у здійсненні спонукаючих, казкових, фантастичних, реалістичних та інших бажань людей під час створення альтернативних реальному світу моделей художнього буття. Загалом нині поезія подібна до міфотворчих процесів прадавніх людей. Наголошено, що участь міфології у поезії може характеризуватися різними функціями. Міфічні історії привабливі, цікаві, страшні, сповнені загадок, одним словом, цікаві. Міфологія – це скарбниця культурологічних знань і пам'яті, криниця людських надій, страхів і пристрастей, архетипічних образів і ситуацій свідомості, невичерпна база зразків, якими може опанувати і які може відтворити кожне поетичне покоління. Загалом моменти і критерії, які визначають міфопоетичну структуру сучасної поезії, багатогранні. У сучасній поезії пам'ять про метафору може бути ядром символічного образу, а також контекстом предмета на тематичному рівні, але одночасно може заважати формі вірша, що характеризується певним повторенням міфологічної текстової моделі. Крім того, вона може відігравати роль засобу вираження думок і почуттів поета, але водночас міфологія може бути домінуючою у пізнанні та сприйнятті світу, у розумінні уявлень про світ самого поета. На основі підібраних поетичних прикладів із сучасної азербайджанської поезії висунуто положення про те, що пряме чи непряме звернення поезії до міфологічних оповідей є неминучим. Розглянуто динаміку використання міфологічних поетичних образів окремими представниками поезії протягом останнього сторіччя.

Ключові слова: міфологія, поезія, міфологічне мислення, поетичне мислення, художня функція, азербайджанська поезія.

Постановка проблеми. Начиная с первых десятилетий XX века, мировая литературно-теоретическая мысль стала уделять больше внимания сочетанию мифа, фольклора и письменной литературы. В целом использование мифа, возврат к фольклору, фольклорным и мифологическим сюжетам, мотивам в мировой литературе XX века стало привлекать все больше внимания как типичное художественное событие века.

Степень изученности проблемы. В современных художественных текстах мифологические мотивы и темы, переходящие из мифологии в литературу, а также мифологические образы, лежащие в основе генезиса литературных сюжетов, встречаются довольно часто. «И через сотни лет в литературной традиции существуют опре-

деленные мифологические темы и сюжеты, которые выживают, несмотря на новые интерпретации в развивающейся и меняющейся литературной ситуации» [7, с. 246]. По словам К.Г. Юнга, «фольклор – это новый взгляд, новое содержание и сильная духовная демократия, увековеченные (когда это нужно) так, как это было в первоисточнике, в этнической памяти народов. Его цель – сломать ошибочные многогранные синдромы в мышлении, носящие привлекательный смысл и появляющиеся в определенный период времени, и привнести в художественную литературу истинное предназначение человека, его внутренний мир, здоровый и не очень образ мышления и психологию» [3, с.282]. На протяжении всего своего исторического развития культура взаимодействовала

с мифологическим наследием, а мифологическое наследие имеет свое начало и происхождение. В целом сюжеты из мифологии и мифологические образы встречались в литературе на протяжении всей ее истории. В произведениях разных литературных периодов и художников слова можно встретить динамическое обращение письменной литературы к мифологии и фольклору в разное время, причем в сложной и своеобразной форме.

Цель работы – определение действительности мифологических образов в различных слоях человеческой памяти с точки зрения развития современной поэзии. Проанализированы различные поэтические источники, а также мнение ряда авторов о роли мифопоэтического творчества в современной поэзии и литературе в целом.

Миф и литература: мифологическая память стиха

Следы архаической культуры, которую люди воспринимают и характеризуют как «мифы», существующие вокруг них, и остатки мифической эпохи, до сих пор живут в памяти человечества, хотя и достигшего высшего уровня цивилизации и создавшего информационное общество. На всех этапах жизни человека (рождение, смерть, брак, похороны и т.д.) в различных символах и видах продолжают жить основные формы миропонимания, вера в сверхспособности, а также ритуалы, символика, древние психологические модели поведения.

Е. Е. Голосовкер считает, что «воображение» в нас всегда активно, особенно в мире поэта и философа, хотя и довольно скрытно. Чем больше не угасает воображение, тем больше живет логика чудес» [6, с. 201].

Мифы как элементы веры присутствуют в жизни современных людей как через религию, так и через литературу. К. Алиев справедливо отмечает, что «независимо от художественного метода, которым пользуется художник слова, ключ к творческим тайнам его не в жанре, весомости, рифме его произведений, а в фольклорном источнике. Элементы фольклора входят в литературное наследие всех поэтов и писателей. Когда использование фольклора становится целью и задачей, когда это делается ради фольклора, то начинают проступать искусственные и надуманные моменты творчества» [4].

С.Рзасой описывает отношения между мифом и литературой, которые он называет мифолитературной дихотомической моделью, как имеющие трехмерную структуру с точки зрения ее внутренней структуры, то есть миф-фольклор-литература. Согласно структуралистской модели реальности,

очередной элемент отделяется (или рождается) от одного из двух противоположных элементов, и этот элемент выступает посредником-коммуникатором-посредником между противоборствующими сторонами. Фольклор также является промежуточным этапом между мифологией и литературой [10].

Дурсун Токель фокусируется на двух формах связи между мифологией и литературой. По мнению ученого, во-первых, подобно былинам, существует структура произведений о сверхъестественных историях из мифологических времен, которые являются полностью мифологическими нарративами и очень трудно разгадываются, поскольку события основаны на совершенно необычных фактах. Во-вторых, это ментальный аспект более поздних времен, мифологические стороны произведений, которые относятся к тому, что более рационально, чем сверхъестественно, и включают мифологические фигуры в виде символов и образов. Эти мифологические фигуры иногда встречаются в литературном произведении в виде метафор или отсылок, не затрагивающих серьезно его основной структуры; иногда эти мифологические фигуры составляют основной художественный пласт произведения. То есть произведение полностью основано на этой мифологической фигуре и без ее анализа невозможно полностью проанализировать произведение. Важен вопрос о том, как мы будем сегодня относиться к литературным жанрам, историческим процессам или мифологии. Мифические персонажи, проникающие из эпоса в романтическое произведение, а затем и в реалистический роман, предстают в литературном произведении либо как образ или символ, либо как аллегория, либо как содержание и часто обнажают первоначальные функции, выраженные ими в ранний период [Токель, 2000: 54]. –55].

Но что превращает современную поэзию в миф? Как можно классифицировать моменты, характеризующие «воскрешение» мифологических элементов, фигур, тем, стихий и кодов в современной поэзии? Снова обратимся к Дурсун Токелю: обращение поэтов к мифологическим персонажам минувших веков, несомненно, необходимо. Для этого может быть много причин. Это связано иногда с обращением к поэтическому элементу в коллективной памяти народов, а значит, с более комфортным общением с читателем, иногда с намерением еще более сократить словарный запас стихотворения, что весьма скромно, для обеспечения глубокого смыслового единства. Иногда причиной может быть идея привнести

в тайну стихотворения новое измерение, увеличить глубину смысловых пластов и усложнить внутреннюю структуру стихотворения [13, с. 61].

Отношения между поэзией и мифом также имеют свой механизм. По мнению Октавио Паза, «возвращение к истокам почти всегда есть бунт: обновление – это всегда возрождение» [9, с. 114].

Ю.Е. Голосовкер пишет, что воображение, одухотворенное фантазией, раскрывает мысли и образный мир поэта. Сила этих идей, этих воображаемых миров не в том, что они повторяют реальность такой, какая она есть. Сила эта заключается в появлении и характеристике объектов и отношений этих объектов. Их сила известна не в изображении образов людей и предметов, а в изображении образов идей и смыслов. Сила воображаемых миров заключается в том, что эти миры не только раскрывают скрытое и неизведанное, но и сочиняют новое, возможное, невозможное и вероятное. Воображение поэта-художника с помощью фантазии создает тип, характер, образ [6, с. 200-201].

Подобно тому, как западная литература опирается на столпы классической и иудео-христианской мифологии и полна аллюзий на мифические и религиозно-канонические тексты, восточная литература не выходит за рамки общечеловеческих мифологических ценностей, а также религиозно-канонических парадигм восточного мировоззрения. Миф позволяет литературе (а значит и художнику) выражать свои переживания, мысли и чувства на более широком уровне, раздвигать границы мысли и воображения за пределы личности, углублять контекст произведения.

Функциональность мифа в поэзии: мифологические фигуры и элементы

Моменты и критерии, определяющие мифопоэтическую структуру современной поэзии, многогранны. В современной поэзии память о метафоре может быть ядром символического образа, а также контекстом предмета на тематическом уровне, но может и мешать форме стихотворения, что характеризуется определенным повторением сюжета, мифологической текстовой модели. Она также может играть роль художественного средства выражения мыслей и чувств поэта, при этом мифология может быть доминирующей в узнавании и восприятии мира, в понимании им мира.

Например, давайте посмотрим на внутреннюю функциональность дихотомии света и тьмы мифологической эпохи в различных стихотворениях Кямала Абдуллы, известного представителя современной азербайджанской литературы:

«Дайте мне тьму –

Черную, кромешную тьму.

И больше ничего мне не надо,

Дайте мне только лишь тьму.

Потеряйте меня, оброните.

В темноте такой.

Возможно, лишь тогда пойму я, наконец,

«Что стоит свет дневной» [1, с. 77].

«Это был мираж, что **светом** ты назвал!

Тьма была моим ничем.

Тьма была моим всем,

Настоящий свет был в нем» [1, с. 82].

От света к тьме... От тьмы к свету...

Туда, сюда.

Туда, сюда.

То есть прогулка в два конца [1, с. 85].

Мы знаем, что противоречия предполагают друг друга и неразрывно связаны. Одна из величайших дихотомий человечества – это свет и тьма. История света и тьмы исходит из творения мира или космогонических мифов – из космоса (что означает порядок) и из генезиса (что означает рождение). История космогонии (или космического творения) также является метафорой не только рождения бытия, но и рождения индивидуального сознания и личности, о чем свидетельствует общая семантика приводимых нами стихотворений.

Рассмотрим и другое стихотворение Камала Абдуллы:

Тот умер, тот ушел навеки, остальные стали ничем.

Можешь пройти по мосту Сирата, давай, проходи.

Есть три яблока, **выбери одно на свою долю.**

Все кончается в этом мире,

Он для тебя как тысяча и одна ночь.

Мы пришли в мир, созданный Богом,

Мы пришли **в мир, оставленный Ноем,**

Но мир этот ложен,

Почему втайне они забыли нас?

Вот тебе и тысяча и одна ночь! [1, с. 78].

Миф о мировой буре характерен для многих культурологических систем: истории бури древней Месопотамии, потоп в «Сотворении мира», Ной в исламе, Манвантара-сандхья в индуизме, Гун-Ю в китайской мифологии, Девкалион и Пирр в греческой мифологии, Бергельмир в скандинавской мифологии, Кесайрианская мифология в ирландской мифологии, история о Ноевом потопе о вере, послушании и доверии. Хотя существуют разные

версии, эта мифологическая легенда показывает, как развивалось человечество после катастрофы: «После потопа выжившие собираются вместе и восстанавливают свою жизнь. Они признают, что не всегда идеальны, что они будут совершать ошибки и причинять друг другу боль. Даже боги раскаиваются и извиняются за свои действия, и мы учим людей поступать так же. Затем, внося исправления, продолжаем прогрессировать и возвышаться [8].

Как видно, семантика стихотворения формируется самой жизнью на уровне человека и мира, вечности мира, дуализма человеческой смертности, мотивов человека и судьбы, парадигмы жизни и смерти, начала и конца, решение же нужного соотношения времени мира и времени человека требуют глубокой мифологической памяти.

В поэме Хадийи Шафагат, одной из молодых представительниц современной азербайджанской поэзии, которая начинается стихом «Усталая чайка – язык тишины», мифологические фигуры отличаются своей функциональностью и в то же время соотносятся с фольклорными текстами:

“Suların içində çəkib geriyə (в водах глубоких вдохнув широко)

Dərin nəfəsini, bir div gizlənilib (див прячется от нас).

Qoyub ürəyini büllür şüşəyə atıb, (и сердце в хрустальном сосуде его).

Sinəsinin boşluq yerinə kimin canı düşsə (душа попал здесь в грудь его)

Can təmizlənilir...” (очистится тотчас) [12].

Комментируя это стихотворение, Джаваншир Юсифли сказал: «В этом отрывке внезапно возвращается все известное, что приходит из фольклора и время от времени вспоминается. Столкновение мгновения, которое постепенно меняет и показывает мир, боль в нем со всеми его гранями, а также мгновения, приходящие в виде волшебства, – все это становится ростком неповторимого чувства сопричастности в этом стихотворении» [16, с. 251]. Все это показывает, что отношения между поэзией и мифом связаны с мировоззрением человека.

Функция мифа в поэме Агшина Енисея «Благородный лебедь» заключается в раскрытии семантики текста. То есть миф может быть необходимым средством выражения мыслей и чувств поэта, а интерпретация этой экспрессивности раскрывает смысл, лежащий в основе текста:

Лебедь, плававший в очень достойном озере, в отражении самого себя,

Просто взял себе крылья,

А другим отдал небеса и полет.

Нельзя быть таким благородным в отношении к себе.

Как мужчине, так и женщине.

В конце концов, случится это:

Стоишь перед жизнью и повторяешь одну и ту же команду:

– Не случилось! Этого не случилось! Этого не случилось! [14].

В мифологии лебедь обычно символизирует красоту, изящество, любовь и преданность, фигурирует в различных мифических (а также фольклорных) текстах как символ песни, поэзии, творчества; ассоциируется с солнцем, светом и добром. Лебеди считаются символом чистой и вечной любви. В индуизме лебеди олицетворяют совершенную гармонию отношений между материальным миром и миром духовным. Поскольку они связаны как с воздухом, так и с водой, они символизируют способность жить в обоих мирах [4]. Миф о Леде и Лебеде популярен в греческой мифологии, и различные интерпретации этой мифологической истории можно найти в живописи и литературе. Согласно этой мифологической истории, дочь царя Леда покрывает сердце Зевса своей красотой, он обманывает Леду и вступает с ней в связь в образе лебедя. Благодаря интерпретациям Овидия и Фабия Фульгентиуса, этот миф, популярный на протяжении всего Средневековья, появился в итальянском Возрождении как более классическая и эротическая тема [4, с. 78]. Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонаротти, Антонио да Корреко обращались к этому необычному мифологическому сюжету в своих картинах. Пьер Ронсар, лидер семи поэтов группы Пляяд, стремившихся порвать с традиционным стилем французской литературы эпохи Возрождения и создать новую на основе греко-римских образцов, написал поэму *La La Défloration de Lède* (*De la defloration de Lède*) [4] под влиянием известных творений Микеланджело.

В русской литературе в стихотворении А.С. Пушкина «Леда» воспевается Молодой Лебедь, а у ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса Леда и Лебедь – это иная интерпретация одного и того же мифического сюжета. Скорее, отношения поэзии и мифа характеризуются вдохновляющей силой мифологической памяти, использованием мифологического содержания, которое является сокровищницей человечества с эстетической точки зрения. Как известно, основной принцип мифопоэтического мышления и общая логика мифа основаны на способности адаптировать жесткие и противоречивые аспекты мифа к определенному этапу человеческой

цивилизации, приспособить этот этап к ее собственным условиям, прикрыть фантастичностью в сочетании с реальностью.

Сфера проявления мифа в художественном тексте в современный период достаточно широка. К мифу в литературе двойное отношение. С одной стороны, она восстанавливает миф, а с другой – развеивает его. В поэме Агшина Енисея лебедь служит как символом индуистской гармонии, так и символом вечного противостояния и покорности сторон в дихотомии «*мужское-женское*».

Миф – это первая форма человеческого взгляда на мир. «В эпоху мифа наши древние праотцы видели, прежде всего, сходство образа жизни с природными явлениями и животным миром (в питании, рождении, движении и поведении, а также в других внешних признаках) и пытались воздействовать на необычную связь между этими мирами и ими самими. Все это помогло им и нам сохранить их оптимизм в отношении опасностей, исходящих от величавой дикой природы. Верования, возникшие в результате их борьбы за выживание, и полученный ими опыт превращался в воображение, поскольку они «проходили через горнило испытаний» и укреплялись в их памяти» [5, с. 14-15].

В целом метафоры и мифы являются средствами раскрытия смысла и функции поэзии, и ключевую роль в раскрытии метафор играет мифологическая логика. В поэзии могут быть разные подходы, раскрывающие уровень и позицию использования

мифов. Точно так же, как можно распознать и идентифицировать мифологический пласт, проявляющийся при структурном анализе текста, можно определить место мифа в стихотворении с психоаналитической точки зрения. Согласно второму подходу мифы, так или иначе входящие в поэзию, на самом деле являются элементами, раскрываемыми авторское подсознание.

Выводы. Учитывая широту темы, мы ограничились несколькими поэтическими примерами. Их анализ показал, что к мифологическим легендам поэзия может относиться как прямо, так и косвенно. Иногда стремление выразить в стихотворении больше смысла (причем более лаконично и ёмко), сформировать через эту краткость глубокий смысловой пласт превращает миф в поэзию. Иногда мифологическая логика или мировосприятие, являясь памятью о метафорически-символическом языке художественной мысли, ее ядре, невольно находит свое воплощение в поэзии. Миф выполняет кодово-ключевую функцию, донося смысл текста как до автора, так и до читателя, открывая его. Читатель может регулировать тот безграничный смысл, который он передает в стихотворении, узнавая этот миф через мифическое имя автора, стихию, фигуру и т.п. Миф является общим достоянием человечества, принадлежит как автору, так и читателю, поэтому является одной из доминирующих сил, обеспечивающих универсальность и вечность искусства пера.

Список литературы:

1. Abdulla Kamal. Seçilmiş əsərləri: 7 cildə. III cild: Şeirlər, tərcümələr, esselər, pyeslər. Bakı: Mütərcim, 2020. 820 s.
2. De la defloration de Lede // <https://oeuvresderonsard.wordpress.com/>
3. Əliyev Kamran. Nəsimi və mif // <https://edebiyatqazeti.az/news/diger/3496>
4. Fulgentius, Fabuis Planciades. The Fable of the Swan and Leda. Ohio State University Press, 1971. P. 78.
5. Qafarov R.O. Azərbaycan türklərinin mifologiyası (qaynaqları, təsnifatı, obrazları, genezisi, evolyusiyası və poetikası). Filologiya elmləri doktoru alimlik dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın avtoreferatı. Bakı: 2010. 59 s.
6. Qolosoovker Y.E. Tərcümə edən A.Talibzadə. Mifin məntiqi. Bakı: BSU, 2006. 316 s.
7. Məmmədov C. Türk mifoloji sözlüyü. Bakı : Elm, 2003. 418 s. S. 7, 246.
8. Mystery, Metaphor, and the Story of the Flood. <https://urcpdx.org/noah-flood-metaphor/>
9. Paz Octavio. Öteki Ses Şiir ve Yüzyılın Sonu (Çev.: Hüseyin Demirhan, Suten Yayıncılık. Ankara, 1995.
10. Rzasoy Seyfəddin. Nizami Gəncəvi və türk mifologiyası. <http://edebiyatqazeti.az/news/diger/7961>
11. Swan. Symbolism // <https://goodlucksymbols.com/swan-symbolism/>
12. Şəfaqət Hədiyyə. Suların içində bir div gizlənilib. Yeni Şeirlər. <https://kulis.az/news/25052>
13. Tökel Dursun Ali. Divan Şiirinde Mitolojik Unsurlar Şahıslar Mitolojisi, Akçağ Yayınları. Ankara: 2000.
14. Yenisey Aqşın. Hanı o əbədi günahkar bədənər? <https://kulis.az/index.php/xeber/>
15. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного. Вопросы филологии. 1988. № 1. С. 281-287, 282.
16. Yusifli Cavanşir. Poeziya-gənclər. Gəncliyin sualları. Ədəbi proses VI-2018. Hədəf nəşrləri, 2019. S. 241-253, 251.

Aliyeva L. A. POETRY AND MYTHOLOGY: MYTHOLOGICAL IMAGES AND THEIR FUNCTIONS IN POETRY

The article states that humanity is committed to its origins in the deepest layers of memory and seeks to preserve the sacredness of this first principle. The myth not only lives in the memory of a person, it is also a potential force firmly planted in the subconscious, capable of turning into imagination at any moment, and participating in the realization of inciting, attractive, fabulous, fantastic, realistic and other desires of people in the process of creating alternative models to the real world. artistic life. In general, poetry is similar to the myth-making process of ancient people. It is emphasized that the participation of mythology in poetry can be characterized by various functions. Mythic stories are attractive, entertaining, scary, full of mysteries, in a word, interesting. Mythology is a treasure trove of culturological knowledge and memory, a storehouse of human hopes, fears and passions, archetypal images and situations of consciousness, an inexhaustible base of patterns that each poetic generation can master and recreate. In general, the moments and criteria that determine the mythopoetic structure of modern poetry are multifaceted. In modern poetry, the memory of a metaphor can be the core of a symbolic image, as well as the context of an object at the thematic level, but at the same time it can interfere with the form of a poem, characterized by a certain repetition of a mythological textual model. It can also play the role of a means of expressing the poet's thoughts and feelings, but at the same time, mythology can be dominant in recognizing and perceiving the world, in understanding the poet's ideas about the world. On the basis of selected poetic examples from modern Azerbaijani poetry, the position is put forward that the direct or indirect appeal of poetry to mythological narratives is inevitable. The dynamics of the use of mythological poetic images by individual representatives of poetry over the past century is considered.

Key words: *mythology, poetry, mythological thinking, poetic thinking, artistic function, Azerbaijani poetry.*